Нелли

Сергей Викторович Васильев

SHOUT
SHARE
IT

- Нелли

Нелли

Я вспомнил мою последнюю собеседницу. Звали ее Лия. Вот уж кто был изумительно самоуверен, самодоволен и циничен. Сидя на пластмассовом стуле, она умудрилась расположиться на нем, как на антикварном кресле времен какого-нибудь Людовика. Закинув ногу на ногу, Лия демонстрировала мне свои новые туфельки, — где она их только достала на станции! — желая возвыситься над соперницами, а пуще всего надо мной.

Сам ее взгляд был оценивающим, с некоторым снисхождением: дескать, видишь, лопух, какая девушка для тебя пришла, а ты до сих пор ничего не сделал для нее.

К слову, я и не собирался. Просто пока она цедила сквозь плотно сжатые, ярко накрашенные, искривленные в гримасе отвращения губки ядовитые слова, я размышлял.

Этих бредней, что она тут провозглашала, я наслушался досыта. Чуть ли не каждый день в обеденный перерыв за мой столик подсаживалась одна из таких девиц. Я так и не выяснил — заключали они между собой пари, кто меня раньше охмурит, или каждая действовала по собственному почину.

Ни разу я не дал им шанс. Всем этим бабам.

На нашей станции количество женщин превышает количество мужчин. Кто сам вьбрал, а кого и выбрали. Остался я. Вы думаете, легко чем-либо отличаться от остальных? Вечные насмешки, непонимание, как со стороны свободных женщин, так и мужчин, которым невмоготу уже со своими подругами, а уйти не хватает сил.

А я просто не хотел быть слабым. Не хотел и все. Меня интересовало мое дело. Как можно жить с женщиной которая пренебрежительно относится к тому делу, которое у тебя получается лучше, чем у других?

Думаете, стоило послушать Лию? Все же первая красавица станции, сама выбирающая себе мужиков на одну ночь. Побыть рядом с ней — уже праздник. Ага. Всё та же пропаганда идеологии современной женщины. Типа, женщина сама по себе есть великая ценность, и, какой бы она ни была, мужчина должен принять её как данность. А если ему что-то не нравится, то в этом виноват в первую очередь он сам, так как до сих пор не стал «современным». А если ты современный мужчина, то должен со всем этим смириться. Иначе прослывёшь ретроградом, тебя не будут уважать, и всё такое-прочее.

И нужно мне ее уважение? Нужно?!

Я просто послал ее.

«Просто» — означает достаточно вежливо, но решительно. Я уже давно научился это делать без малейшего содрогания в душе. Даже настроение не испортилось.

«Очень жаль», - сказала Лия и пошла от меня той походкой, что завсегда волнует мужчин.

Всем своим видом она выражала небезызвестную бабскую мысль: «Смотри, какого сокровища ты лишился. А ведь это могло быть твоим.»

Не могло. *Такая* нормальному мужчине не нужна.

А какая нужна? Это просто.

Интересная, красивая и старомодная, которая ещё может понять и воспринять, что женщина — помощница мужчине в его деле, а не центр Вселенной и не объект для непрерывного обслуживания мельчайших ее потребностей.

Такие есть, я знаю. На Земле. Но не здесь, на станции. Где не просто знаком со всем персоналом, а даже знаешь, что они в ответ скажут на твою реплику. Где бурый Юпитер так и норовит заползти к вам в каютку через иллюминатор, а если избавляешься от этой иллюзии, сразу кажется, что станция падает на него. Да это и не кажется. Что есть орбитальное вращение, как не падение?

Просто Юпитер слишком большой.

Люди неосознанно стремятся находиться в помещении без вида на этого полосатика. А еще лучше — с земными пейзажами в видовых окнах. Столовая — одно из таких. Здесь собираются все, кто свободен. Они даже не общаются. Сидят, отдыхают, вспоминают.

Мои воспоминания почему-то не доставляют мне удовольствия. Вместо них можно поразглядывать людей. Женщины, девушки. И все отворачиваются, встречаясь со мной взглядом. Знакомые лица.

Не все.

Ее я еще не встречал. Поднялась и пошла в мою сторону — наверное, к выходу. После Лии никто уже ко мне не подсаживался, и это было как-то непривычно. Не хотят. Наверняка и этой новенькой уже все рассказали про меня. Женская зависть не знает границ.

Я ошибся. Она шла именно ко мне. Подвинула стул и села, поставив локти на стол, уперев подбородок в ладони.

Эта девушка была не такой, как все.

В самих ее глазах, и в движениях, и во всем остальном, что она делала, светилась искренность.

— Меня попросили поговорить с вами, — сказала она, — меня зовут Нелли.

Голос ее звучал как-то нерешительно, словно она сомневалась в правильности своего поступка. Но что это был за голос!

— Очень рад, — промямлил я.

Первый раз в жизни я растерялся. Надо же, как бывает — подходит к тебе девушка и вдруг обнаруживается, что это ***она.*** Та, о которой мечтал всю свою жизнь.

— Я буду работать с вами, — она говорила серьезно, чуть нахмурив брови, чтобы я сразу понял, что это деловой разговор.

Разумеется, мы разговорились. Да, она прилетела только сегодня. Да, она ни с кем здесь не знакома, и на Земле ее никто не ждет. Нет, ничем она не выдающаяся, таких много. Просто повезло, что попала на станцию — другие претендентки были ничуть не хуже.

А я блаженствовал. Она отвечала просто, открыто и через полчаса уже улыбалась на мои шутки. Она знала все, что нужно нормальной женщине.

Она не знала одного — всех этих бабских штучек.

Таких женщин не бывает — решил я. Обеденный перерыв закончился, и она спохватилась, что так и не получила задания на сегодня.

— Нелли, — было сладко выговаривать ее имя, — иди в контору. Получишь форму, инструктаж, а потом вернешься, я скажу, что делать.

Она улыбнулась и упорхнула.

— Как тебе наш новый наладчик? — радостно выговорил Квентин и хлопнул меня по плечу, подойдя сзади.

— Какой наладчик? — я еще не мог полностью прийти в себя после общения с девушкой моей мечты.

— Да ты только что с ним разговаривал, — хмыкнул Квентин.

— С ним? — я всё еще не понимал.

— Я имею в виду ту девушку. Это новый наладчик РНБ-751. Ребята постарались — выглядит как живой человек.

— Она — робот? — с трудом выговорил я.

Мой взгляд непроизвольно поплыл, я закрыл глаза и схватился за столешницу, чтобы ненароком не свалиться.

— Э-э-э, да ты совсем плох. Заработался. Пойдем провожу.

Квентин подхватил меня под локоть, приподнял и почти поволок к медицинскому боксу.

Наверно, я там всё же отключился. Потому что лекцию, которую мне монотонно читал Квентин, я начал воспринимать не с самого начала. Он ходил из угла в угол, что-то переключая на датчиках, внимательно разглядывал бессмысленные для меня

цифры, характеризующие мою жизнедеятельность, и непрерывно бубнил:

«…Уже двадцать лет. А какие мозги у них — ты задумывался югда-нибудь? Конечно, видя наружность робота, любой скажет — это механическое подобие человека. Почти верно. Только мозг у них действительно человеческий. Живой. Клон обычного мозга младенца. Когда-то его мать разрешила проделать это со своим ребенком. А потом вступил в силу закон, позволяющий клонировать отдельные части тела человека. Ну, как было не воспользоваться этим? Роботостроение набрало обороты. На чистый мозг накладывали программу обучения, запаковывали в механическое тело и отправляли на работу. Быстро, рентабельно, качественно. А на девушку не смотри. Под тонкой кожей — механический скелет. Суть у нее осталась прежней…»

— Врешь ты все, — прохрипел я, — живая она.

— Твои проблемы. Я предупредил.

Квентин кивнул мне, что медицинское освидетельствование закончено и всё в пределах нормы, я встал и побрел на работу.

Мы стали встречаться с Нелли. После работы, в свободное время. На нашей станции обслуживать инженерные системы означает постоянно бегать куда-либо. Нет, разумеется, механической работой занимаются роботы. Но надо ведь еще понять — что делать и кому это поручить. В этом отношении Нелли была универсалом. Достаточно было определить круг проблем, и она находила оптимальное решение.

Я уже смирился, что она не человек. Откровенно говоря, мне было плевать на это. Я вел себя с ней, как с обычной девушкой, и она отвечала мне тем же. Наверняка во всем была виновата программа, установленная в ней. Но мне действительно было хорошо с Нелли. Действительно.

Мы гуляли по станции, за неимением садов и паркое, болтали, смеялись всяческим шуткам. Можно назвать это прогулками под луной, да только в окна отовсюду настырно лез Юпитер. Я даже преподнес ей как-то букетик цветов, сорванных в нашей оранжерее. За что получил персональный выговор начальника станции и его глубокое недоумение: «Цветы? Роботу?»

Для меня главным было общение. Я испытывал настоящее эстетическое удовольствие от наблюдения за неиспорченной женской душой, каковой ее воспринимал. А вы думали, что в женщине главное — тело?

И все же встречи были не так часты, как бы мне хотелось. На

мои настойчивые и глупые просьбы переехать ко мне Нелли опускала глаза и говорила: «Ведь я же робот». И я не мог с ней спорить. Огорчался. Только дело отвлекало меня.

Все понимают — что такое метановый выброс. Они происходят постоянно, разной силы и направления. Попасть под него — дело случая. Объявляется метановая тревога, отключается наружное оборудование, станция переходит на внутреннее энергопотребление. Разумеется, все это происходит автоматически. Сигнал тревоги посылает датчик, определяющий увеличение количества молекул метана в ближнем пространстве станции. Это когда он работает.

К сожалению, он сломался как раз перед мощнейшим выбросом.

Выглядело это так.

Резкий сигнал, сообщение о необходимости устранить поломку. И тут же вырубило все, кроме сигнальных лампочек, питаемых независимыми аккумуляторами. Метан коротнул системы жизнедеятельности, энергоподачи и аварийные системы.

Понятно, кому исправлять?

Всех ремонтников я направил на ликвидацию последствий замыкания, а сам, вместе с Нелли, бегом отправился устранять причину. Вентиляция не работала, дым от сгоревшего пластика, подсвеченный зелеными аварийными лампами, висел над самым полом. Хотелось зажать рот и нос и не дышать. Глаза слезились, а голова постепенно начала гудеть и кружиться.

Место, куда ударил метеорит, нашла Нелли. Выгорела внутренняя обшивка, свистел воздух, уходящий в малюсенькое отверстие, и полностью отсутствовали контуры всех цепей на несколько метров от удара.

Как вы думаете, сколько наша станция может оставаться без энергии? Я знал эту цифру, но старался забыть — никто не успеет доставить нам ремонтный материал за это время.

— Нам не успеть, Нелли… — только и сказал я.

Она была другого мнения.

Только робот способен разобрать самого себя на составные части. И сделать это достаточно быстро. Она вскрыла свой торс и принялась выдирать какие-то провода, скручивать их с оставшимися, восстанавливая цепи станции. А я смотрел и не мог помочь ей. Я хотел остановить ее, не дать уничтожить себя. Но станция, но люди в ней…

Не хватило.

Последнюю цепь она замкнула своим телом, раскинув руки.

Вспыхнул наружный покров, потек металл сочленений, ее

затрясло, ломая то, что еще оставалось целым.

Ее тело выдержало.

Аварийный реактор включился. Всё заработало. Потом пришли ремонтники, пришел Квентин. Восстановили системы, как требуется. Отодрали Нелли от стены и оставили ее рядом со мной.

Я даже плакать не мог.

Квентин присел рядом со мной, заглянул мне в глаза, что-то понял.

— Ведь это робот. Их выпускают тысячами, — он хотел утешить меня — я видел, — Зайди вечером.

Я зашел.

Квентин стоял в своем медицинском боксе над обломками Нелли и внимательно их разглядывал. Зачем врачу это железо?

— Знаешь, ~ сказал он, — Нелли не совсем обычный робот. А я не только врач…

Безумная надежда сдавила мне сердце, наполняя радостным предчувствием.

— Ты что, можешь спасти ее? Ведь можешь, да?!

— Она уже списана! Тут нечего восстанавливать!

— А ее мозг?

— Он в порядке, — Квентин поджал губы, осуждая меня. По его мнению, излишняя привязчивость к роботу только мешала мне.

— Я все отдам. Ты же знаешь.

— Сочтемся, — Квентин резко мотнул головой.

— И еще одно. Ты же можешь слеге подправить ее программу…

Она — *настоящая* женщина.

Я люблю ее мелкие слабости. Нелли знает, как воспитывать нашего сына, как готовить еду, что лучше подать мне в тот или иной час, что и когда сказать, радуется мне, когда я прихожу домой, встречает смешными разговорами, что она сделала за день, помогает мне в моем деле своими советами, замолкает, когда надо помолчать. Она знает много, кучу всякой не нужной никому информации и иногда вскользь говорит что-нибудь заумное.

Нелли не знает только одного. Что она робот.